
С.Г. Кляшторный

РОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

Каменные момуенты (стелы) с надписями на согдийском и тюркском языках (эпитафии тюркским и уйгурским каганам и их соратникам VI–IX вв., обнаруженные в Монголии, а также енисейские надписи) являются древнейшими памятниками древнетюркской письменной культуры, равно как и важнейшими источниками по истории Тюркского и Уйгурского каганатов (551–840), а также Кыргызского государства (VIII–IX вв.). В статье рассматриваются особенности этих текстов и дается историографическая характеристика их содержания.

Ключевые слова: руническое письмо, Тюркские каганаты, уйгуры, енисейские кыргызы, эпитафии, Центральная Азия

Одним из важнейших компонентов духовной культуры любого народа является его историческая память. Овладение письменной культурой, как правило, влечет за собой письменную фиксацию различных проявлений исторической памяти. С известными оговорками, касающимися неполноты письменного выражения собственной истории в любом архаическом социуме, зафиксированная историческая память определяет временную глубину самой культурной традиции. Вместе с тем именно в исторической памяти социума таятся в какой-то степени стертые и мифологизированные стереотипы, определяющие пути поиска истоков культурного наследия.

Наиболее важными памятниками древнетюркской культуры являются тюркские рунические памятники Монголии, Южной Сибири и Восточного Туркестана, памятники, обладающие двумя существенными для историка и неоспоримыми достоинствами — автохтонностью и аутентичностью. Само руническое письмо было создано в тюркской среде не позднее VII в. н.э. либо на основе согдийской письменности, либо, что более вероятно, под влиянием согдийской письменности на основе собственного графического

фонда (тамги), использованного для формирования знаковой системы, не лишенной идеографических включений¹.

Однако в какой мере рунические тексты являются носителями исторической памяти?

Уже в конце XIX — начале XX в. выдающиеся востоковеды своего времени, В.В. Бартольд и И. Маркварт, первыми исследовали с этой позиции тюркские памятники, выявили содержащуюся в них значительную долю историографической информации, сопоставили с иными группами источников, внешними по отношению к тюркской среде, и очень высоко оценили памятники как источник важных сведений, касающихся истории самих тюрков и созданных ими государств². Были четко определены три основные группы эпиграфических текстов, достаточно насыщенных историографической информацией. Это, прежде всего, собственно тюркские памятники Северной Монголии (орхонские памятники), затем немногочисленные, тогда, в начале XX в., памятники уйгурской эпохи, найденные там же, где и тюркские, и, наконец, историографически наименее информативные из-за трудностей датирования и краткости енисейские памятники древних кыргызов.

Что касается рунических памятников из Восточного Туркестана, то они делятся на две группы: 1) несколько текстов на бумаге и 2) камнеписная и крайне лапидарная эпиграфика. Тексты на бумаге («Гадательная книга», сборник тюркских пословиц и мудрых речений, два деловых документа) не содержат элементов историографического содержания, но очень важны для понимания всего диапазона использования письменности в древнетюркской среде и общего уровня древнетюркской культуры³.

Начавшиеся в 60–70-е годы прошлого века дискуссии о жанре орхонских и енисейских памятников и их ценности как исторических

¹ *Лившиц В.А.* О происхождении древнетюркской рунической письменности // СТ. 1978. № 4. С. 84–98; *Гузев В.Г., Кляшторный С.Г.* Древняя письменность Великой степи // ТС, 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 146–176.

² Подробнее об изучении древнетюркских рунических памятников и их историографической оценке в специальной литературе см.: *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 5–17; *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 37–70.

³ Подробнее см.: *Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010. С. 276–321.

источников так и не смогли поколебать уже сложившуюся высокую историографическую оценку рунических текстов (см. ниже). Более того, новые открытия древнетюркских памятников, связанные главным образом с полевыми исследованиями Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции (СМИКЭ, 1969–1990 гг.), принесли неожиданные результаты, касающиеся письменной фиксации исторической памяти у тюркских народов древности. Немало было сделано и в изучении енисейской эпиграфики.

Успехи изучения древнетюркской письменности к 60-м годам XX в. создали ощущение известной завершенности историографической обработки этой сравнительно небольшой группы текстов. Между тем именно сенсационные результаты начального периода выявили такие труднейшие аспекты историко-культурной оценки памятников, решение которых оказалось надолго отложенным.

Остановимся лишь на некоторых из возникших загадок и тех открытиях, которые способствовали их разрешению.

Тюркский каганат возник на территории Монголии в 551 г. и, распространившись к 576 г. от Хинганских гор до Керченского пролива, стал первой евразийской империей, просуществовавшей восемьдесят лет. Каганат был разрушен в 630 г., в период максимальной экспансии Танской империи, но через пятьдесят лет возродился и просуществовал еще пятьдесят лет. Все обнаруженные до недавнего времени на территории каганата памятники относились ко второму периоду его существования, к 20–30-м годам VIII в. Следовало ли, исходя из этого факта, сделать вывод, что Первый каганат не знал ни письменности, ни историографической традиции? Что обычай устанавливать в поминальных комплексах тюркской знати стелы с историко-биографическими текстами возник лишь в эпоху Второго каганата? Такой вывод делался. Приведем мнение выдающегося знатока тюркской археологии Л.Р. Кызласова, опубликованное им в 1965 г.: «Установка вертикальных стел с надписями (у курганов в рядах и одиночно) никогда не практиковалась алтайскими тюрками-туго и другими племенами, входившими в Первый Тюркский каганат»⁴. И тогда никаких прямых доказательств альтернативной возможности не было. А через три года была обнаружена стела с согдийским текстом, которую, по месту находки, я назвал Бугутской, стела, оказавшаяся частью погребального комплекса четвертого

⁴ *Кызласов Л.Р.* О датировке памятников енисейской письменности // СА. 1965. № 3. С. 43.

тюркского кагана Таспара⁵. По своему типу и содержанию, по литературному канону стела совершенно подобна появившимся через сто пятьдесят лет орхонским памятникам. Бугутская стела была установленная в 582 г. Среди событий, датированных по двенадцатилетнему циклу, там упомянуто и об учреждении в каганате буддийской сангхи. Более того, четвертая, разрушенная эрозией сторона стелы, судя по нескольким сохранившимся знакам, содержала надпись на санскрите, выполненную письмом брахми, скорее всего — буддийским миссионером Чинагуптой, десять лет жившим при дворе кагана⁶.

Значимость открытия Бугутской надписи как первого известного памятника древнетюркской историографии в ряду подобных ему подтвердила недавняя дешифровка другой каганской эпитафии, также на согдийском языке, выбитой на задней стороне тюркского каменного изваяния, входившего в состав царского погребально-поминального комплекса, обнаруженного китайскими археологами еще в 1953 г. Это сооружение находится на берегу реки Текес, притока реки Или, в местности Монголхуре (Синьцзян), недалеко от границы Китая с Казахстаном. Идентифицировать и частично прочесть надпись удалось только в 1990-е годы, прежде всего усилиями японского ираниста Ютака Ёсиды. В надписи 21 строка (столбец) текста, сохранившегося очень плохо. Монумент был установлен в память о западнотюркском Нири-кагане (в китайских источниках — Ниликаган), погибшем в битвах с племенным союзом теле (огузов) в 603 г. Надпись содержит также упоминание деяний его предшественников, как это было показано и для Бугутской надписи. Доступными для историографической интерпретации фрагменты текста стали после тщательного исследования их в контексте иных источников, принятого Такаси Озавой и Этьеном де ла Васьером⁷.

⁵ *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Новая согдийская надпись из Монголии (предварительное сообщение) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Л., 1969. С. 51–55; *Они же.* Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. М., 1971. Т. 10. С. 121–146; *Klyashornyj S., Livshic V.* The Sogdian inscription of Bugut revised // *Acta Orientalia Hungarica.* Budapest, 1972. Т. 26. Р. 63–102.

⁶ *Bazin L.* Turcs et Sogdiens: les enseignemens de l'inscription de Bugut (Mongolie) // *Mélanges linguistiques offerts à Emile Benveniste.* P., 1975. С. 42.

⁷ *Osawa T.* Aspects of relationship between the ancient Turks and Sogdians. Based on the stone statue with Sogdian inscription in Xinjiang // *Eran and Aneran. Studies presented to B. Marshak on the occasion of his 70th birthday.* Venice, 2006. P. 471–504; *Vassière E. de la.* Maurice et le qaghan. A propos de la digression de Théophylacte Simocatta sur les Turcs // *Revue des études Byzantines.* P., 2010. Т. 68. P. 219–224.

Теперь несомненно, что Первый каганат знал и обычай установки стел с надписями при княжеских погребениях, и календарь, и свою историографическую традицию, а идеологическая жизнь тюркского социума в VI в. отнюдь не была примитивной. Вместе с тем употребление здесь согдийских языка и письменности указывает, по крайней мере, на то, что великолепная культура и образованность Средней Азии была для тюрков явлением достаточно обычным и привычным.

Согдийский язык, *lingua franca* сериндийских торговых трасс, прежде чем стать языком царских эпитафий, уже был языком каганской канцелярии. Во всяком случае, письмо, которое в 568 г. посол тюркского кагана, согдийский купец Маниах, привез в Константинополь императору Юстину II и огласил во время приема, было написано «скифскими письменами», т.е. понятным для Маниаха согдийским письмом⁸.

Другая историко-культурная проблема связана с ареалом распространения тюркского рунического письма, использование которого для камнеписных надписей началось, по всей видимости, уже во второй половине VII в. (Чойрэнская стела)⁹. Почти все найденные к середине XX в. памятники концентрировались в центральных районах Северной Монголии и являлись составной частью княжеских поминальных комплексов. Исходя из этого, следовало бы признать, что письменная культура в Тюркском каганате была достоянием узкой аристократической группы, а территория ее распространения была очень ограничена.

Во время полевых работ в Монголии в 70–80-х годах автор, имея в виду необходимость поиска бесспорных материалов для решения проблемы территориального распространения рунического письма, осуществил целенаправленные рекогносцировки в Хангайской горной стране, Хэнтэе, Монгольском и Гобийском Алтае, в котловине Больших озер и в Южной Гоби. В ходе рекогносцировок удалось

⁸ Дестунис С. Византийские историки. СПб., 1880. С. 374; Dobrovits M. The Altaic world through Byzantine eyes: some remarks on the historical circumstances of Zemarchus' journey to the Turks (AD 569–570) // Acta Orientalia Hungarica. 2011. Vol. 64. P. 382.

⁹ Кляшторный С.Г. Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрэна // Страны и народы Востока. М., 1980. Т. 23. С. 90–102; Кормушин И.В. Новое в чтении и толковании Чойрэнской рунической надписи конца VII в. из Монголии // ТС, 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 202–213.

установить, что руническая письменность была распространена и активно использовалась во всей зоне обитания древнетюркских племен¹⁰. А отсутствие профессионализма в исполнении мелких наскальных надписей указывает на значительное число людей, владевших письмом и использовавших его в обыденной жизни. В сравнении с раннесредневековой Европой можно считать *mutatis mutandis* Тюркский каганат страной сплошной грамотности.

Орхонские рунические памятники первой трети VIII в. содержат, взаимно дополняя друг друга, связанное повествование о важнейших военных и политических событиях во Втором Тюркском каганате (689–744 гг.), рассказанное от имени крупнейших деятелей этого государства. Политическая тенденциозность каждого из таких повествований не только не снижает, а напротив, повышает ценность источника, т.к. сопоставление программных деклараций и дискуссионных суждений относительно тех или иных событий позволяет легче увидеть конфликты и противоречия внутри каганата, чем это возможно при знакомстве с протокольным описанием «исторических происшествий» того времени в китайских анналах.

Следует более подробно остановиться на жанровой специфике орхонских памятников¹¹. Около 50 лет назад в советской тюркологии возникла дискуссия по поводу историографической составляющей орхонских надписей, связанная с попыткой интерпретировать их как историко-героические поэмы, созданные в традициях героического (дружинного) эпоса. Хотя с резкой критикой последней точки зрения тогда выступил академик В.М. Жирмунский, попытки «фольклоризации» памятников получили довольно широкое распространение и продолжают по сей день.

В связи с этим хотелось бы, конечно очень бегло, коснуться вопроса о том, что давало повод характеризовать памятники как фольклорное произведение¹².

¹⁰ Подробнее см.: *Кляшторный С.Г.* Наскальные рунические надписи Монголии. Тэс, Гурвалжин-ула, Хангыты-хад, Хэнтэй // ТС, 1975. М., 1978. С. 151–158; *Klyashornyj S.G., Tryjarski E.* An improved edition of the Arkhanen inscription // *Rocznik Orientalistyczny*. 1990. Т. 47. S. 65–68.

¹¹ Подробнее см.: *Рухлядев Д.В.* Проблема жанра в изучении древнетюркских рунических памятников // ТС, 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005. С. 208–253.

¹² Подробнее см.: *Кляшторный С.Г.* Эпические сюжеты в древнетюркских рунических памятниках // *Восток*. 1992. № 5. С. 5–17.

Отметим, прежде всего, стилистическую близость использованных в памятниках литературных приемов к повествовательным приемам, известным по эпическим сказаниям тюркских народов. Особенно заметно сходство устойчивых традиционных формул при описании боевых подвигов героев эпоса и героев надписей, хотя, в последнем случае, без свойственной эпосу чрезмерной гиперболизации. Здесь следует отметить, повторяя К.В. Чистова, что «духовная культура архаического типа еще не знает нефольклорных форм, связанных с языком»¹³.

Хотя весь пафос, вся структура изложения орхонских надписей подчинены и посвящены делам и людям, мыслям и устремлениям их дней, автор текста не может игнорировать фольклорные мотивы и стилистические приемы, свойственные «картине мира», сложившейся в его, автора, культурной среде. Никакого свойственного эпосу глубокого отрыва от настоящего времени в памятниках нет. В связи с этим нелишне напомнить блестящее определение М.М. Бахтиным эпической диахронии: «Мир эпопеи — национальное героическое прошлое, мир “начал” и “вершин” национальной истории, мир отцов и родоначальников, мир “первых” и “лучших”. Дело не в том, что прошлое является содержанием эпопеи. Отнесенность изображаемого мира в прошлое, причастность его к прошлому — конституативная формальная черта эпопеи как жанра»¹⁴.

Между тем орхонские надписи повествуют о подтвержденных другими источниками реальных событиях — сражениях, восстаниях, походах, сменах правителей, точно датированных по годам и месяцам жизни их героев или, иногда, по годам 12-летнего «животного цикла».

Тем не менее, пока и поскольку орхонские памятники до последнего времени оставались древнейшими текстами, фиксировавшими весьма многослойную письменную традицию тюрков, пока и поскольку поиск аналогов выводил исследователей за рамки имманентной для древней Центральной Азии культурной среды, парадоксальные оценки находили известное оправдание в стремлении увязать первые проявления литературной деятельности с гипотетически реконструированным фольклорным миром той отдаленной эпохи. Реконструкция, впрочем, была осуществлена про-

¹³ Чистов К.В. Фольклор и культура этноса // СЭ. 1979. № 4. С. 5.

¹⁴ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 456–457.

стейшим образом — в прошлое опрокинуто исторически недавнее эпическое наследие современных тюркских народов.

Здесь следует вновь вернуться к Бугутской стеле. Все последствия открытия Бугутского памятника для изучения древнетюркской культуры оценены еще не в должной мере, но определилось основное — по структуре и сюжетам, по политической публицистичности и историографическому фону актуального изложения Бугутская надпись мало чем отличается от позднейших, орхонских надписей и является их прообразом. И ее стиль, и ее содержание свидетельствуют об определяющем влиянии на создателей памятника преломленной через иранское посредство восточноазиатской историко-политической традиции «монументальной пропаганды», породившей значительную, в том числе камнеписную литературу в Северной Индии, Афганистане, Средней Азии, Восточном Туркестане, застенном Китае, Корее и Монголии¹⁵. Литературная и языковая специфика каждого региона не уничтожила общих черт, порожденных культурно-исторической близостью различных частей этого взаимосвязанного мира, прошитого нитями торговых путей и военных маршрутов, потоками переселенцев и тропами пилигримов. Вростание центральноазиатских тюрков в своеобразную и синкретическую культуру Сериндии относят обычно к становлению Уйгурского государства в Таримском бассейне (IX–X вв.). Как оказалось, начало было положено много раньше.

Обратимся теперь к другой группе текстов, к памятникам Уйгурского каганата. До 60-х годов XX в. их было известно всего два — трехязычная Карабалгасунская стела с почти полностью разрушенным тюркским текстом и надпись из Могойн Шине-Усу. В ходе работ СМИКЭ были открыты еще три крупных памятника разной степени сохранности¹⁶. Какова их историографическая составляющая?

¹⁵ См., например: *Gabain A. von. Einführung in die Zentralasienkunde*. Darmstadt, 1979. S. 33–34.

¹⁶ *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Сэврэйский камень // СТ. 1971. № 3. С. 106–112; *Klyashornyj S., Livshits V.* Une inscription inédite turque et sogdienne: la stèle de Sevrey (Gobi Méridionale) // *Journal Asiatique*. 1972. T. 259. C. 11–20; *Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись. Предварительная публикация // СТ. 1980. № 3. С. 82–95; *Он же.* Тэсинская стела. Предварительная публикация // СТ. 1983. № 6. С. 76–90; *Klyashornyj S.* The Terkhin inscription // *Acta Orientalia Hungarica*. 1983. T. 36, fasc. 1–3. P. 335–366; *Idem.* The Tes inscription of the Uigur Bögü Qaghan // *Ibid.* 1985. T. 39, fasc. 1. P. 137–156; *Кляшторный С.Г.* Надпись уйгурского Бёгюкагана в Северо-западной Монголии // *Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства*. М., 1987. С. 19–37.

Две стелы, открытые в Хангайской горной стране, были названы мной по долинам рек, где были установлены, Терхинской и Тэсинской. Они были сооружены в 753 и 762 гг.¹⁷ Историографические разделы обеих надписей, судя по сохранившейся части, достаточно близки по содержанию, и главная идея этих разделов казалась бы парадоксальна — уйгурские каганы VIII в., правившие в Монголии и Туве, считали себя наследниками и преемниками древних вождей, которые возглавляли огуру-огузские племена евразийских степей за сотни лет до них. И оба уйгурских государя, Элетмиш Бильге и Бёгю, которым посвящено повествование, сочли нужным напомнить об этом своим соплеменникам и своим подданным в высеченных на камнях декларациях. Они возвеличили тех, кто возглавлял племена и создавал Эль — кочевую империю, и они осудили тех, кто разрушал Эль в междоусобных и межплеменных войнах. Память уйгурских историографов охватила несколько эпох созидания и разрушения Элей, включая события более чем двухсотлетней давности. В начальных строках их повествования история слилась с мифом о сотворении и легендами о каганах-основоположниках. Время повествования определяется упоминанием общего кагана тюрков и огузов, Бумына, т.е. серединой VI в., а пространство событий — вся евразийская степь.

Ключевое слово в Тэсинской надписи — термин *бузук*. Сохранный позднейшей огузской традицией (легендами об Огуз-хане, предке-эпониме огузских племен) и зафиксированное мусульманской историографией (Захир ад-дин Нишапури, Ибн ал-Асир, Рашид ад-дин) устойчивое деление огузов на два крыла, два объединения племен — *бузуков* и *учуков*, — как теперь ясно, восходит к глубокой древности¹⁸. Бузуки, правое крыло, соотносимое с восточной ориентацией, в квазиимперских и имперских структурах огузов имели преимущества старшинства. Только из их среды выдвигался великий хан (каган), номинальный глава всех огузов, а иерархическое положение аристократии бузуков, их племенных вождей, было более высоким, чем статус племенных вождей учуков¹⁹.

И хазары, и берсилы косвенно причислены к учукам, т.е. к западному крылу огуру-огузских племен. Обстоятельство тем более

¹⁷ *Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата. С. 27–101.

¹⁸ Подробнее см.: *Кляшторный С.Г.* Азиатский аспект ранней истории хазар // Хазары. Иерусалим; М., 2005. С. 259–264.

¹⁹ О бузуках и учуках у средневековых туркмен см.: *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии. IX–XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 103.

важное, что в позднейшей огузской традиции конца I — первой половины II тыс. берсилы и хазары уже не фигурируют. Так же как *сиры* (*сеяньто* китайских хроник), они выпали из огузских объединений и примерно тогда же создали собственные имперские структуры (*сиры* — в 630–647 гг.).

Ко времени, о котором говорится в надписях, времени Бумын-кагана и его первых наследников, в двусоставной тюрко-огузской структуре Тюркского эля место бузуков занимали десять тюркских племен, одно из которых, Ашина, было каганским племенем²⁰. После распада каганата на восточную и западную части деление на бузуков и учуков в Восточнотюркском, а позднее и Уйгурском каганате сменилось делением на *тёлисов* и *тардушей*, восточное и западное крылья, которые, вместе с каганским центром-ставкой (*орду*), формировали военно-административную структуру Эля. В Западнотюркском каганате, в «народе десяти стрел» (как они сами себя называли), сложилась или проявилась иная древняя структура — деление на *дулу* и *нушиби*, восточное и западное объединения племен, соперничество между которыми часто приводило к междоусобным войнам.

В повествовании автора Тэсинской надписи вся вина за раскол и распрю возлагается на бузуков — вождей собственно тюркских племен, что совпадает с реальной событийной канвой, известной по другим источникам. Более всего в этой распре пострадали западные огузы-огуры, и авторы обеих надписей сочли нужным отметить гибель двоих, назвав их имена и их племена, — вождя берсиллов Беди и вождя хазар (касар) Кадыра. Оба упоминания позволяют оценить прежде всего место обоих племенных союзов в исторической памяти огузов, в политической картине ушедшего мира, с которым было связано и имперское величие, и крушение тюрко-огузского дуумвирата в евразийской степи.

Основная трудность, с которой сталкивается историк, интерпретирующий енисейские надписи, — проблемы абсолютной датировки и выявление связей с историческим контекстом описываемых в надписях событий. Их несомненная связь с обрядовым фольклором делает еще более сложным выявление далеко не частых фрагментов, содержащих бесценные зерна историографической информации²¹.

²⁰ *Klyashtorny S.G.* The royal clan of the Turks and the problem of early Turkic-Iranian contacts // *Acta Orientalia Hungarica*. 1994. Т. 47. Р. 445–447.

²¹ Подробнее см.: *Рухлядев Д.В.* О жанре енисейских рунических памятников // *ТС*, 2006. М., 2007. С. 274–295.

Прорыв обозначился лишь после того, как мне удалось достаточно достоверно датировать две надписи с Алтын-кёля, доказав, что мемориант одной из них — кыргызский каган Барс-бег, погибший зимой 710/11 г. Так же датируется вторая надпись Алтын-кёля²². Примерно тем же временем датируется надпись именитого военачальника Чабыш Тон-таркана, которого Барс-бег, незадолго до своей гибели, отправил за поддержкой к Кара-хану, т.е. к тюркешскому кагану (надпись Уйбат I)²³.

О тех же событиях повествует еще одна енисейская эпитафия (Кызыл Чираа I). Гибель ее героя, имя которого не сохранилось, случилась в сражении с войском Бег-чора. Но Бег-чор — это «мужское (воинское) имя» (*er aty*) Капаган-кагана. Китайские династийные хроники так и называют этого кагана — *Мо-чжо*, т.е. Бег-чор. А в последней строке надписи мемориант оплакивает не свою кончину, а гибель своего старшего брата, хана кыргызов, т.е. Барс-бега. Назван даже возраст Барс-бега — 42 года. Напомним, что в эпитафии самого Барс-бега (Алтын-кель I) рассказывается о четырех «высокородных братьях», которых «разлучил Эркилиг», бог подземного мира.

Другие особо значимые надписи относятся к совсем иной эпохе, к эпохе мощного взлета кыргызской государственности и доминирующей роли кыргызов в Центральной Азии. Прошло 130 лет с момента гибели Барс-бега и 100 лет со времени краха Тюркского каганата, когда окрепшее Кыргызское государство сокрушило в 840 г. прежнего гегемона степей — Уйгурский каганат. Созданная кыргызами империя простиралась тогда от Ангары и Байкала до Алтая и Семиречья, от сибирской тайги до Великой Китайской стены²⁴.

Овладев Северной и Северо-Западной Монголией, основной территорией уйгуров, кыргызы не остановились. Их власть распространилась на Алтай — в одной из надписей (Уюк-Оорзак III)

²² *Кляшторный С.Г.* Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников) // *Turcologica: К семидесятилетию акад. А.Н. Кононова*. Л., 1976. С. 258–267.

²³ Тексты упомянутых енисейских надписей см.: *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л., 1952; *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997; *Он же.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. М., 2008.

²⁴ *Dompp M.R.* The Yenisei Kyrgyz from early time to the Mongol conquest // *The Turks. I. Early ages*. Ankara, 2002. P. 480–488; *Дробышев Ю.И.* Кыргызы в Центральной Азии (IX в.) // *Восток*. 2010. № 6. С. 102–109.

упомянут кыргызский правитель нового юрта — ябгу Алтая. Но самое интересное сообщение содержит надпись с реки Бегре, правого притока Бий-хема. Ее герой, именуемый не собственным именем, а титулом — *ичреки*, т.е. «доверенное лицо» Тёр-апа, — рассказывает в своем посмертном повествовании:

...в мои пятнадцать лет я ходил на китайского хана. Благодаря моей доблести мужа-воина, своим геройством я захватил золото и серебро, верблюдов и жен!

Умирая в возрасте 67-ми лет, мемориант скорбит о разлуке со своей супругой, которую взял в свои 15 лет, т.е. во время китайского похода. Это повествование осталось бы изолированным и непонятым, если бы не другие, на первый взгляд не связанные с китайским походом сообщения.

До недавнего времени единственным памятником «кыргызского великодержавия» в Центральной Азии (840–918 гг.) считалась открытая в начале XX в. Суджинская надпись²⁵. Она написана неким «сыном кыргыза» Бойла Кутлуг-ярганом, участником победы над уйгурами. В первой строке надписи упомянут Яглакар-хан, которого первоначально посчитали за хана кыргызов и прообраз эпического героя Манаса. Однако же, как было установлено, Яглакары — уйгурская ханская династия, и в Суджинской надписи рассказано о ее изгнании и гибели. Между тем в 1975 г. мною была открыта в Северо-Западной Монголии, на р. Тэс, наскальная надпись, принадлежащая кыргызскому военачальнику Тёпек Алп Солу²⁶. Удалось установить, что Алп Сол несколько раз упоминается в синхронных китайских документах, содержащих отчет о событиях в Центральной Азии в 842 г. Имеенно Алп Сол руководил кыргызскими отрядами, вторгшимися в китайскую провинцию Ганьсу и в государства-оазисы Восточного Притяньшанья, вел переговоры с китайским министром в пограничной крепости Тяньдэ, а в 843 г. возглавил кыргызское посольство к императорскому двору, в столицу Китая, и возвратился с богатыми дарами.

Теперь можно утверждать, что единственный за всю историю кыргызов «Великий поход» в китайские владения состоялся 842–843 гг.,

²⁵ *Кляшторный С.Г.* Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы востоковедения. 1959. № 5. С. 162–169.

²⁶ *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006. С. 344–348.

на заре «кыргызского великодержавия», и возглавлял его кыргызский военачальник Алп Сол, чьи земельные владения находились на Алтае и в Туве. Прошло много столетий, но тот поход не забылся — он наложился на многие другие события, его герой получил у алтайских кыргызов иное имя — Алп Манаш, и когда в XVI в. кыргызы с Алтая переселились на Тянь Шань, сказание о Великом походе и его главном герое Манасе превратилось на новой родине в грандиозный народный эпос, вобравший в себя память о многих веках нелегкой истории кыргызского племени.

Итак, первыми памятниками тюркской письменности стали камнеписные эпитафийные тексты. Однако эпитафиями крупнейшие из этих текстов являлись только по первому целевому назначению. Не менее важной для их авторов была иная цель — восстановив событийный ряд, связанный с усопшим героем, оплакав и прославив его в безудержном панегирике, изложил свою политическую и этическую оценку событий, сформулировать, прямо или косвенно, свое социальное кредо и свою политическую философию, убедить «слушателей» в безусловной и безупречной правдивости и правильности своих утверждений и своих оценок.

Насколько явственно проявлено в крупнейших рунических памятниках авторское начало?

Обычно в древнетюркских рунических памятниках повествование ведется либо от лица покойного героя надписи, либо оно анонимно. И в том, и в другом случае подлинный творец текста никак не проявляет осознания своей роли в его создании, не обозначает своего авторства.

Однако три случая из множества других показывают, что фольклорная традиция неосознанного авторства уже не была всеобщей — речь идет о памятнике Тоньюкука, двух Кошо-Цайдамских текстах (надписи в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана) и надписи в честь Кули-чора²⁷.

Пространная надпись Тоньюкука (62 строки длиной в 160–170 см) написана от лица самого героя, но не им самим — в 58-й строке сообщается, что надпись выполнена по приказу Тоньюкука:

Я, мудрый Тоньюкук, приказал написать [эту надпись] для государства тюркского Бильге-кагана.

²⁷ Подробнее об этих памятниках см.: *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. С. 44–77; *Он же.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. С. 3–89.

Но стиль надписи отнюдь не эпитафийный — это яркий литературный текст, полный нескрываемых полемических суждений, диалогов, притч и поговорок. Само повествование столь эмоционально и непринужденно, столь явно приближается к родившемуся через много веков жанру автобиографии, что делает наиболее вероятным предположение о фиксации в тексте подлинной речи самого Тоньюкука.

Большая часть повествования в обоих Кошо-Цайдамских памятниках ведется от имени Бильге-кагана, и в надписях несколько раз подчеркнуто заявлено, что всё сказанное и записанное — его «подлинная речь», которую высекали на камне китайские резчики. Но трижды в надписи Кюль-тегина и один раз — в надписи Бильге-кагана названо другое имя творца надписей:

Столько много надписей написавший я, племянник Кюль-тегина, Йоллыг-тегин, это написал. Двадцать дней просидев (за работой), на этот камень (это) всё я, Йоллыг-тегин, написал (*памятник в честь Кюль-тегина*).

Надпись Бильге-кагану, я, Йоллыг-тегин, написал... Я, племянник тюркского Бильге-кагана, Йоллыг-тегин, проведя (за работой) месяц и четыре дня, покрыл надписями и украсил (*памятник в честь Бильге-кагана*).

Член каганского рода и его герольд, Йоллыг-тегин был, как он сам заявляет, автором многих надписей и, пожалуй, первым известным нам по имени автором, писавшим на тюркском языке. Это он своей рукой нанес на камень (процарапал или написал тушью) текст надписей, высеченный затем китайскими резчиками. Ему принадлежали также несохранившиеся надписи на стенах заупокойных храмов. Несомненно, что памятник как литературное произведение и образец древнетюркской письменности был создан им. Однако вряд ли стоит преувеличивать самостоятельность политического мышления Йоллыг-тегина и приписывать исключительно ему разработку тех политических взглядов, которые отражены в памятниках. Йоллыг-тегин писал то, что соответствовало мыслям, словам и действиям его сюзерена и родича — Бильге-кагана; недаром все политические формулировки изложены от лица Бильге-кагана, с указанием, что резчики не исказили его «речи».

Кошо-Цайдамские надписи являются крупнейшими памятниками древнетюркской рунической письменности. Их значение для древнетюркской филологии и истории невозможно преувеличить.

Наблюдения, сделанные при изучении этих двух текстов, давно уже стали нормативными, а сами памятники превратились в своеобразные эталоны, с которыми сравнивают чуть ли не все другие рунические надписи.

Третий случай самообозначения автора камнеписного текста отмечен в надписи в честь Кули-чора (надпись из Ихе Хушоту):

Я, Бинтир, столь много надписей написал и о том, чего я сам не знал, и о том, что я сам знал и помнил. Надпись Кули-чору я (тоже) написал.

Автор надписи ссылается на какую-то информацию, устную или письменную, о событиях, которых он не знал или не помнил. Такого рода констатация — пока единственная в древнетюркских текстах и она, возможно, свидетельствует о наличии историографической традиции и о существовании людей, которые эту традицию сохраняли.

Очевидно, что в трех отмеченных случаях проявилось разное ощущение или осознание авторства. Это осознание никак не связано исключительно с реальным начертанием (вырезанием или иным обозначением) знаков письма, но оно прямо касается процесса создания текста. Тоньюкук диктует исполнителю (резчику?) свою речь, насыщенную экспрессивными и полемическими оборотами, создающими неповторимый стиль изложения, и, по существу, является единственным творцом текста.

Йоллыг-тегин долго и тщательно готовит текст для резчика-исполнителя, сам его наносит на поверхность стелы, не врезая в камень, сам украшает стелу некоторыми символами-рисунками. Он пишет о себе как о создателе текста, указывая даже количество затраченных дней. И, однако, считает главным в своей работе точную передачу «сердечной речи» своего сородича и сюзерена Бильге-кагана.

Не исключено, что политическая философия Бильге-кагана если не ментально, то вербально и литературно формируется именно Йоллыг-тегином, а его заявление о своем немалом и долгом труде над текстом прозрачно свидетельствуют о его собственном авторском вкладе.

И совершенно осознанно и недвусмысленно заявляет о своем авторстве Бинтир, профессиональный панегирист — историограф, подвизавшийся при дворе Кули-чора Тардушского. Возможно, Бинтир — типологически знаковая фигура древнетюркского при-

дворного интеллектуала, одного из тех грамотеев, чьими усилиями создавались и поддерживались полупоэтические представления о героях минувших поколений и формировались образы участников актуальных коллизий. Этот сложный сплав соперничавших повествований и оценок отдаленного и недавнего прошлого, запечатленный на фоне жестких межклановых, политических, военных и социальных столкновений, имперских амбиций и сепаратистских устремлений, делал авторов древнетюркских эпитафий глашатаями и судьями их мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии. IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.
- Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Гузев В.Г., Кляшторный С.Г.* Древняя письменность Великой степи // ТС, 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009.
- Дестунис С.* Византийские историки. СПб., 1880.
- Дробышев Ю.И.* Кыргызы в Центральной Азии (IX в.) // Восток. 2010. № 6.
- Кляшторный С.Г.* Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы востоковедения. 1959. № 5.
- Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- Кляшторный С.Г.* Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников) // Turcologica: К семидесятилетию акад. А.Н. Кононова. Л., 1976.
- Кляшторный С.Г.* Наскальные рунические надписи Монголии. Тэс, Гурвалжин-ула, Хангыты-хад, Хэнтэй // ТС, 1975. М., 1978.
- Кляшторный С.Г.* Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрэна // Страны и народы Востока. М., 1980. Т. 23.
- Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись. Предварительная публикация // СТ. 1980. № 3.
- Кляшторный С.Г.* Тэсинская стела. Предварительная публикация // СТ. 1983. № 6.
- Кляшторный С.Г.* Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-западной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
- Кляшторный С.Г.* Эпические сюжеты в древнетюркских рунических памятниках // Восток. 1992. № 5.

- Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.
- Кляшторный С.Г.* Азиатский аспект ранней истории хазар // Хазары. Иерусалим; М., 2005.
- Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.
- Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010.
- Кляшторный С.Г., Ливищ В.А.* Новая согдийская надпись из Монголии (предварительное сообщение) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Л., 1969.
- Кляшторный С.Г., Ливищ В.А.* Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. М., 1971. Т. 10.
- Кляшторный С.Г., Ливищ В.А.* Сэврэйский камень // СТ. 1971. № 3.
- Кляшторный С.Г., Ливищ В.А.* Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.
- Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.
- Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. М., 2008.
- Кормушин И.В.* Новое в чтении и толковании Чойрэнской рунической надписи конца VII в. из Монголии // ТС, 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011.
- Кызласов Л.Р.* О датировке памятников енисейской письменности // СА. 1965. № 3.
- Ливищ В.А.* О происхождении древнетюркской рунической письменности // СТ. 1978. № 4.
- Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л., 1952.
- Рухлядев Д.В.* Проблема жанра в изучении древнетюркских рунических памятников // ТС, 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005.
- Рухлядев Д.В.* О жанре енисейских рунических памятников // ТС, 2006. М., 2007.
- Чистов К.В.* Фольклор и культура этноса // СЭ. 1979. № 4.
- Vazin L.* Turcs et Sogdiens: les enseignements de l'inscription de Bugut (Mongolie) // Mélanges linguistiques offerts à Emile Benveniste. P., 1975.
- Dobrovits M.* The Altaic world through Byzantine eyes: some remarks on the historical circumstances of Zemarchus' journey to the Turks (AD 569–570) // Acta Orientalia Hungarica. 2011. Vol. 64.
- Dompp M.R.* The Yenisei Kyrgyz from early time to the Mongol conquest // The Turks. I. Early ages. Ankara, 2002.

- Gabain A. von.* Einführung in die Zentralasienkunde. Darmstadt, 1979.
- Klyashtornyj S.* The Terkhin inscription // *Acta Orientalia Hungarica.* 1983. T. 36, fasc. 1–3.
- Klyashtornyj S.* The Tes inscription of the Uigur Bögü Qaghan // *Ibid.* 1985. T. 39, fasc. 1.
- Klyashtornyj S.G.* The royal clan of the Turks and the problem of early Turkic-Iranian contacts // *Acta Orientalia Hungarica.* 1994. T. 47.
- Klyashtornyj S., Livshic V.* The Sogdian inscription of Bugut revised // *Acta Orientalia Hungarica.* Budapest, 1972. T. 26.
- Klyashtornyj S., Livshits V.* Une inscription inédite turque et sogdienne: la stèle de Sevrey (Gobi Méridionale) // *Journal Asiatique.* 1972. T. 259.
- Klyashtornyj S.G., Tryjarski E.* An improved edition of the Arkhanen inscription // *Rocznik Orientalistyczny.* 1990. T. 47.
- Osawa T.* Aspects of relationship between the ancient Turks and Sogdians. Based on the stone statue with Sogdian inscription in Xinjiang // *Eran and Aneran. Studies presented to B. Marshak on the occasion of his 70th birthday.* Venice, 2006.
- Vassière E. de la.* Maurice et le qaghan. A propos de la digression de Thèophylacte Simocatta sur les Turcs // *Revue des études Byzantines.* P., 2010. T. 68.

Sergey G. Klyashtornyj

THE BIRTH OF ANCIENT TURKIC HISTORIOGRAPHY:
THE RUNIC MONUMENTS OF THE GREAT STEPPE

The stone monuments (stelae) written in Sogdian and Turkic languages (epitaphs of Turkic and Uigur qagans and their companions of the sixth–ninth centuries found in Mongolia as well as the Yenisei inscriptions) are the oldest examples of ancient Turkic written culture and the most important sources for history of the Turkic and Uigur qaganates (551–840), as well as the Yenisei Kyrgyz state (the eighth–ninth centuries). The article examines the genre peculiarities of these texts and gives a historiographic estimate of their content.

Key words: Runic script, Turkic qaganates, Uigurs, Yenisei Kyrgyzes, epitaphial monuments, Central Asia